

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 138–158.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 1, pp. 138–158.

Научная статья

УДК 341.01

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-1/138-158>

Соотношение норм *jus cogens* и *erga omnes*

Лариса Владиславовна Вереина, Иван Игоревич Синякин,
Александра Юрьевна Скуратова✉

МГИМО МИД России,

Москва, Российская Федерация

✉ a.skuratova@inno.mgimo.ru

Аннотация. Фундаментальной основой современного международного права являются нормы *jus cogens* и обязательства *erga omnes*, выступающие не только в качестве критериев и ориентиров правомерности всех элементов системы международного права, но и позволяющие развиваться данной системе исключительно в прогрессивном направлении. В то же время в международно-правовой доктрине отсутствует единое мнение относительно природы, источников и содержания обозначенных концепций. Ещё большую дискуссию вызывает проблема соотношения норм *jus cogens* и обязательств *erga omnes*, чему и посвящена настоящая статья. Авторы исследуют концепции данных норм с позиции их сходства и различия, а также полной и частичной идентичности, анализируют механизмы их взаимодействия. В качестве дополнительного аспекта для выявления соотношения норм *jus cogens* и обязательств *erga omnes* авторы обращаются к нормам, регламентирующим сотрудничество государств по борьбе с международными преступлениями. В своём исследовании авторы опираются на обширную международно-правовую доктрину, практику государств, универсальные международные договоры, документы Комиссии международного права и решения Международного Суда ООН.

Ключевые слова: нормы *jus cogens*, обязательства *erga omnes*, принципы международного права

Для цитирования: Вереина Л.В., Синякин И.И., Скуратова А.Ю. Соотношение норм *jus cogens* и *erga omnes* // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 138–158.

Original article

The relationship between *jus cogens* and *erga omnes* norms

Larisa V. Vereina, Ivan I. Sinyakin, Alexandra Yu. Skuratova✉

MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russian Federation,

✉ a.skuratova@inno.mgimo.ru

Abstract. The fundamental basis of modern international law are the norms of *jus cogens* and obligations *erga omnes*, which act not only as criteria and guidelines for the legality of all elements of the international legal system, but also allow this system to develop exclusively in a progressive direction. At the same time, there is no consensus in the international legal doctrine regarding the nature, sources and content of these concepts. Even more controversial is the problem of the relationship between the norms of *jus cogens* and obligations *erga omnes*, which is the subject of this article. The authors examine the concepts of these norms from the standpoint of their similarities and differences, as well as full and partial identity, and analyze the mechanisms of their interaction. As an additional aspect for identifying the relationship between the norms of *jus cogens* and obligations *erga omnes*, the authors turn to the norms regulating the cooperation of states in the fight against international crimes. In their study, the authors rely on extensive international legal doctrine, state practice, universal international treaties, documents of the International Law Commission and decisions of the International Court of Justice.

Keywords: *jus cogens* norms, *erga omnes* obligations, principles of international law

For citation: Vereina L.V., Sinyakin I.I., Skuratova A.Yu. The relationship between *jus cogens* and *erga omnes* norms. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 1, pp. 138–158. (In Russ.).

Введение

Одним из ключевых элементов в понимании сущности обязательств *erga omnes* являются императивные нормы общего международного права (*jus cogens*). Несмотря на то что к настоящему времени отсутствует единое мнение относительно сущности самих норм *jus cogens*, следует признать, что, будучи более детально обоснованными в доктрине и нормативно закреплёнными (ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. – далее Венская конвенция 1969 г.), они вносят значительный вклад в идентификацию обязательств *erga omnes* [1, р. 141]. При этом при составлении текста Венской конвенции 1969 г. было принято решение не включать в положения ст. 53 Конвенции конкретный перечень норм *jus cogens*¹

¹ В рамках голосования по ст. 53 Венской конвенции 1969 г. СССР сделал заявление о том, что императивные нормы включают в себя «прежде всего основные принципы современного международного права, а под ст. 53 подпадают все кабальные и другие подобные неравноправные

ввиду того, что наличие такого перечня могло бы повлечь за собой неправильное отношение к иным нормам международного права и вынудить КМП ООН приступить к работе, которая выходила бы за рамки предоставленного ей мандата.

Связь между нормами *jus cogens* и обязательствами *erga omnes* была признана в практике государств. В деле Нульяримма и др. против Томпсона Федеральный суд Австралии признал, что запрещение геноцида является императивной нормой международного обычного права, которая порождает не допускающее отступлений обязательство каждого государства перед всем международным сообществом, и отметил, что это обязательство существует независимо от Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. В своём мнении судья Уитлам, используя в основном такие же формулировки, как Суд, предметно обозначил характер *erga omnes* данного обязательства: «Запрещение геноцида является императивной нормой международного обычного права (*jus cogens*), которая порождает не допускающие отступлений обязательства *erga omnes* каждого государства перед международным сообществом в целом»¹. Аналогичным образом, в деле Кейн против Уинна Массачусетский окружной суд Соединённых Штатов определил, что запрещение применения пыток является обязательством *erga omnes*, которое, как нормы *jus cogens*, не допускает отступлений и является императивным².

Сходство норм *jus cogens* и *erga omnes*

В основе обязательств *erga omnes*, как и принципов *jus cogens*, лежит обеспечение и защита наиболее значимых, общих ценностей государств, самых важных интересов человечества и общепланетарного благополучия³, а также всеобщее признание, что данные ценности и интересы не находятся в индивидуальном распоряжении отдельных государств [2, р. 8]. В этой связи термин «обязательство *erga omnes*» является не обобщением совокупности двусторонних обязательств, а единым, интегральным, объединяющим государства обязательством, возложенным на всё международное сообщество в целом и, таким образом, на все составляющие его государства [3, р. 216]. В случае нарушения обязательства *erga omnes* все государства, даже

договоры, заключённые в нарушение принципа суверенного равенства государств».

¹ Nulyarimma and Others v. Thompson, Appeal Judgment of the Australian Federal Court of 1 September 1999, para. 18, 81.

² Kane v. Winn, Judgment of 27 May 2004 of the United States Court for the District of Massachusetts, 31 F. Suppl 2d 161 (D Mass), para. 93. R and Office of the United Nations High Commissioner for Refugees v. Secretary of State for Foreign and Commonwealth Affairs and Secretary of State for Home Affairs, Appeal Judgment of 12 October 2006 of the High Court, [2006] ALL ER (D) 138, para. 102. См. также Jorgic case, J (a Bosnian Serb), Individual Complaint, Judgment of 12 December 2000 of the German Constitutional Court, 2 BvR 1290/99, ILDC 132 (DE 2000), para. 17.

³ The Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia), Judgement of 25 September 1997, Section C (Judge Weeramantry, Separate Opinion). Available at: <https://www.icj-cij.org/case/92>.

если они таким нарушением не затронуты, могут поставить вопрос о привлечении нарушителя к ответственности, потребовать прекращения противоправного деяния, возмещения за причинённый ущерб, а также обязаны не признавать сложившуюся в результате противоправных деяний ситуацию и должны правомерными способами содействовать прекращению нарушения, в том числе посредством применения контрмер. Указанные формулировки в Резолюции «Обязательства *erga omnes* в международном праве» (2005 г.) перекликаются со ст. 40 Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, подготовленными Комиссией международного права (далее – КМП), в которых схожие юридические последствия предусмотрены в отношении совершения серьёзных обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права (т.е. принципов *jus cogens*).

Значимым общим признаком для норм *jus cogens* и *erga omnes* являются их субъекты. Согласно тексту Решения Международного суда ООН 1970 г.¹, речь идёт о обязательствах государств (хотя теоретически нет никаких препятствий говорить об обязательствах и других субъектов международного права – см. ниже), с одной стороны, в отношении международного сообщества в целом – с другой². Аналогичная терминология встречается и в принятой в 1969 г. Венской конвенции в отношении норм *jus cogens*³. При этом следует отметить, что в Решении Международного суда ООН отсутствует отсылка к соответствующим формулировкам Венской конвенции 1969 г. (как и ко всему договору), более того, в ст. 53 речь идёт о «международном сообществе государств», а не о «международном сообществе». Однако в отсутствие существенных различий данных понятий (с тем лишь исключением, что «международное сообщество государств» может быть частным случаем «международного сообщества») не будет ошибочным рассматривать их значение как тождественное.

Несмотря на то что ни Решение Международного суда, ни Венская конвенция 1969 г. не говорят о юридической природе данного термина, с позиции общей теории международного права само «международное сообщество» нельзя отнести к субъектам международного права. Можно предположить, что речь идёт о некой форме объединения государств, хотя при этом никакой институциональной основы, закреплённой международным договором или иным международным соглашением, у данного

¹ Barcelona Traction, Light & Power Co., Ltd. (Belgium v. Spain), Judgment. ICJ. 1970. – Report. 3, para. 33, 34. Available at: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/50/050-19700205-JUD-01-00-EN.pdf>.

² «In particular, an essential distinction should be drawn between the obligations of a State towards the international community as a whole...».

³ Ст. 53: «...императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признаётся международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер».

объединения нет. Иными словами, рассматриваемое понятие нельзя ассоциировать с международной межправительственной организацией. В то же время, согласно Венской конвенции 1969 г., международное сообщество государств наделяется правотворческой функцией, а консенсус составляющих это сообщество государств нужно рассматривать в качестве самостоятельной основы нормообразования [4, р. 910]. Кроме этого, высказывалось мнение, что в случае совершения международных преступлений субъектом, имеющим право на вмешательство (например, вторжение в государство-делинквент), являются не все государства, а именно международное сообщество [5, р. 373]. Альтернативная точка зрения заключается в том, что «международное сообщество государств» является правовой фикцией, скорее количественной, нежели качественной дефиницией [4, р. 910–911], что ошибочно могло быть воспринято как указание на особый вид субъекта международного права.

Обращает на себя внимание и употребление формулировки «в целом». Как известно, ни международно-правовая доктрина, ни практика не исходят из буквального толкования этих слов. Отмечается, что данный термин принято трактовать как «все или почти все государства мира», абсолютное большинство государств [6, р. 129]. По мнению КМП (применительно к ст. 53 Венской конвенции 1969 г.), хотя речь и идёт об «универсальности» значения, не предполагающей при этом участия именно всех субъектов международного права, имеется в виду очень крупное большинство государств при условии, что это большинство включает в себя наиболее значимые страны, которые географически равномерно расположены во всех регионах мира. К тому же международное сообщество рассматривается не как «совокупность индивидов», а именно как единый коллектив [4, р. 912].

Отсутствие чёткой дефиниции «международного сообщества» не исключает вероятности, что данное понятие, помимо государств, охватывает и международные межправительственные организации [6, р. 131]. Однако, как показала практика, это допустимо лишь в отношении применения императивных норм общего международного права, но исключается в случае нормообразования. Так, при составлении проекта ст. 53 Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 г. КМП полностью заимствовала определение императивных норм общего международного права из Венской конвенции 1969 г., намеренно не добавляя к «международным сообществам государств» фразу «и международных организаций». Этот шаг был обусловлен исключительностью функции государств устанавливать или признавать императивные нормы (на тот период времени), отсутствием как практики международных организаций в создании обозначенных норм, так и необходимости в принятии и признании императивных норм со стороны международных организаций [7, р. 403–405].

Кроме того, поскольку «международное сообщество» не является сугубо юридическим понятием (и международно-правовым, в частности), в то время как в силу объекта и целей обязательств *erga omnes* в их соблюдении государствами заинтересовано всё международное сообщество, последнее может включать в себя и негосударственные субъекты. Например, физических лиц, их групп и юридических лиц, которые посредством обращения в соответствующие конвенционные органы обеспечивают защиту основополагающих прав человека от нарушений [8, р. 392–393; 1, р. 6–7]. Речь идёт не о возникновении у данной категории лиц международной правосубъектности или о способах реализации указанной защиты механизмами, иными, чем предусмотрены международными договорами, а о субъектах (чьи права, являясь объектом международных договоров и обычаев, непосредственно затрагиваются), заинтересованных в соблюдении государствами обязательств *erga omnes* и вследствие этого охватываемых понятием «международное сообщество». Следуя данному критерию, к рассматриваемому понятию можно отнести Святой престол, Мальтийский орден, непризнанные государства, народы и нации, борющиеся за самоопределение [9, р. 52–71]¹.

В целом, можно констатировать, что понятие «международное сообщество» используется в рассмотренных документах не для идентификации конкретного субъекта международного права или их группы. Основная задача этого термина – подчеркнуть особую значимость объекта, на защиту или обеспечение которого направлены нормы *jus cogens* и *erga omnes*, обосновать исключительную важность их соблюдения в отношении кого бы то ни было. Иными словами, понятие «международное сообщество» прямо указывает на отсутствие какого-либо субъекта, который отказался бы от соблюдения норм *jus cogens* и *erga omnes* (в том числе и в отношении себя) или признал бы их несущественными.

Общим признаком принципов *jus cogens* и обязательств *erga omnes* являются их источники. Так, рассматриваемые обязательства могут формироваться как в результате заключения универсального международного договора, положения которого признаются международным сообществом в целом в качестве порождающих обязательства между всеми, так и вследствие практики государств как обычные, что в конечном итоге приводит их к становлению в качестве норм общего международного права [10, с. 280]. Аналогичным для рассматриваемых норм является и возможность изменения обязательств *erga omnes*: это не может иметь место исключительно в одностороннем или двустороннем порядке [11, р. 241], но, принимая во внимание объект и цели данных обязательств, их изменение возможно только с коллективного

¹ В преамбуле Резолюции «Обязательства *erga omnes* в международном праве» докладчиком Г. Гайа было отмечено, что некоторые обязательства *erga omnes* существуют по отношению к субъектам международного права иным, чем государства. См.: *Obligations Erga Omnes In International Law*. Available at: http://www.idi-iil.org/app/uploads/2017/06/2005_kra_01_en.pdf.

согласия всего международного сообщества посредством нормы, носящей такой же характер.

На практике встречаются попытки обоснования единства норм *jus cogens* и *erga omnes*. В частности, существует мнение, что, принимая Решение по делу 1970 г., Международный суд ООН руководствовался теми же юридическими конструкциями, что были использованы в процессе работы над ст. 53 Венской конвенции 1969 г. Одним из подтверждений этому является употребление формулировки «международное сообщество в целом» [12, р. 8]. В решениях по делу о Восточном Тиморе и Консультативном заключении о правовых последствиях строительства стены на оккупированной палестинской территории 2004 г. Международный суд ООН установил, что право народов на самоопределение и нормы международного гуманитарного права являются нормами *erga omnes*¹, а при определении обязанностей других государств в случае нарушения данных обязательств Суд сделал отсылку к ст. 41 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, предусматривавшую запрет признавать правомерным положение, сложившееся в результате серьёзного нарушения, и не оказывать помощь или содействие в сохранении такого положения.

Различие норм *jus cogens* и *erga omnes*

Однако приведённое сходство исследуемых норм не следует считать абсолютным. И в доктрине, и в международной практике имеются примеры попыток развести категории *jus cogens* и *erga omnes*, прежде всего, с позиции содержания, универсальности охвата регламентируемых отношений и правовых последствий. Предваряя весьма обширную и обоснованную аргументацию по данному вопросу, следует отметить безусловную оправданность подобной точки зрения как минимум тем, что обратное предполагало бы существование одной категории норм, имеющей при этом два разных названия.

В качестве аргумента исследователи обращаются к Решению Международного суда ООН 1970 г. (вынесенного через год после принятия Венской конвенции 1969 г.), в котором акцент делался именно на обязательствах в отношении международного сообщества в целом (без ссылки на ст. 53), отличая их, таким образом, от всех остальных норм общего международного права, включая императивные [13, р. 415–416]. Другим обоснованием является указание на то, что в своём Решении Международный суд ООН не даёт разъяснений, являются ли обязательства *erga omnes* императивными, а только указывает на то, что все государства имеют юридический интерес в их применении.

¹ Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда ООН (2003–2007). Нью-Йорк, 2010. Available at: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1_add3.pdf.

Также высказывается мнение, что обязательства *erga omnes* не только направлены на защиту абсолютных, «высших» ценностей международного сообщества (как нормы *jus cogens*), но и способны посредством коллективных действий государств обеспечить охрану тех внутригосударственных интересов, которые не могут быть защищены иными способами (обеспечение прав граждан, охрана окружающей среды в пределах страны; охрана интересов за пределами национальных юрисдикций, например крупное загрязнение открытого моря, и т.д.). Последнее обстоятельство является, в частности, аргументом, с одной стороны, для признания за обязательствами *erga omnes* характера норм, отклонения от которых недопустимы, с другой стороны, в силу защиты вышеуказанных внутригосударственных специфических интересов, а также принимаемых в этой связи мер, существует вероятность того, что в некоторых случаях обязательства *erga omnes* могут такое отклонение допускать [13, р. 417]¹. Это также обосновывает иерархическое различие норм *jus cogens* и *erga omnes*: юридическая обязательность неукоснительного соблюдения ставит первые выше вторых [5, р. 364]. Действие императивной нормы, не допускающей никаких отклонений от неё, кроме как посредством сопоставимой нормы, предполагает ничтожность противоречащих ей договоров (о чём вопрос, согласно Венской конвенции 1969 г., может поставить лишь государство-участник) [13, р. 414–415]², в то время как правовые последствия обязательств *erga omnes*, допускающих отклонение, предполагают особый механизм привлечения к международной ответственности (в частности, данный вопрос вправе поставить уже любое государство) [14, р. 281; 1, р. 152–153]. Различие норм *jus cogens* и *erga omnes*, согласно вышеуказанным критериям в доктрине и практике КМП, принято обосновывать их различным назначением: статус императивной нормы общего международного права обеспечивает высшую (в том числе и с позиции иерархии) юридическую силу фундаментальных норм; обязательства по отношению ко всему международному сообществу в целом предназначены, в первую очередь, для привлечения к международной ответственности любое государство, допустившее нарушение, со стороны любого другого государства (иными словами, *jus cogens* сфокусированы на нормативном «весе» соответствующих прав и обязанностей, *erga omnes* – на процедурных аспектах) [5, р. 369; 15, р. 208; 8, р. 392; 16, р. 9].

¹ Это касается и права государств делать оговорки к международным договорам, содержащим обязательства *erga omnes*.

² Следует, правда, заметить, что в зависимости от императивной нормы общего международного права и её нарушения вопрос о привлечении к ответственности может представлять интерес не только для государств-участников, однако П. Пиконе, вероятно, рассматривает нормы *jus cogens* как специальный термин для целей и в рамках исключительно Венской конвенции 1969 г.

Наконец, весьма распространённым в доктрине международного права является тезис о том, что норма *jus cogens* в силу своего значения всегда имеет характер *erga omnes*, однако не каждое обязательство *erga omnes* является императивной нормой общего международного права [14, р. 281; 17, р. 81; 18, р. 54–58; 19, р. 153; 20, р. 54; 21, р. 194–199; 22, р. 1137; 23, р. 1156; 2, р. 6]. Данное утверждение в конечном счёте и поднимает вопрос соотношения концепций норм *jus cogens* и *erga omnes*.

Соотношение норм *jus cogens* и *erga omnes*

Существующие в доктрине модели соотношения рассматриваемых концепций можно распределить по следующим группам: 1) полное совпадение, идентичность норм *jus cogens* и *erga omnes* [24, р. 72; 25, р. 1063; 13, р. 417; 1, р. 146]; 2) частичная идентичность норм [26; 14, р. 281; 1, р. 146]; 3) простое совпадение некоторых норм [27, pp. 364, 405–406].

Идея абсолютного совпадения норм двух концепций слишком категорична, что с учётом как абстрактности самих понятий *jus cogens* и *erga omnes*, так и отсутствия прямого указания на их идентичность представляется в рамках юридической науки а priori недоказуемой и маловероятной. Тем не менее в доктрине встречается мнение, согласно которому обязательства *erga omnes* рассматриваются в качестве содержания (части содержания) норм *jus cogens* [28, р. 6]. На этом основании делается несколько выводов: невозможность заключения международных договоров, противоречащих нормам *erga omnes*; нарушение таких обязательств возможны с согласия всего межгосударственного сообщества (и каждого из его членов); заключение договора, противоречащего нормам *erga omnes*, в отсутствие согласия всего межгосударственного сообщества, в случае непризнания его ничтожным, неизбежно нарушает императивность этих норм; если норма содержит обязательства *erga omnes*, то она должна быть императивной [28, р. 7].

Основной ошибкой подобных утверждений является принятие в качестве аксиоматического условия того, что необходимо доказать: идентичность норм *jus cogens* и *erga omnes*. Как уже отмечалось ранее, в разработке нового наименования концепции, содержание которой являлось общеизвестным, не было никакой необходимости. Тот факт, что при формулировании соответствующего параграфа в Решении Международного суда ООН 1970 г. судьями делались отсылки к наработкам, использованным при составлении ст. 53 Венской конвенции 1969 г., вовсе не означает, что основная цель таких отсылок сводилась к полному заимствованию концепции *jus cogens*, а не отдельных её элементов, общих для норм *jus cogens* и *erga omnes*.

Помимо различий, о которых говорилось выше, также приводились примеры международных договоров, устанавливающих «объективные режимы». Заключение договоров, противоречащих указанным, приведёт скорее к возникновению про-

блемы в применении последовательно заключённых договоров, относящихся к одному и то-му же вопросу (ст. 30 Венской конвенции 1969 г.), т.е. к определению приоритета применения норм двух международных договоров, нежели недействительности одного из них [14, р. 271; 1, р. 152–153]. Что касается согласия всего межгосударственного сообщества (и каждого из его членов), то данный элемент не только не присутствует в Решении Международного суда ООН 1970 г. (в нём говорится об обязательствах по отношению к международному сообществу в целом, которые в силу своего характера касаются всех государств), но и является своего рода фикцией, фактическая реализация которой невозможна на практике даже в отношении норм *jus cogens*. Ранее приведённые международные договоры, устанавливающие «объективные режимы», в своём большинстве были заключены без фактического участия всех членов международного сообщества и каждого из его членов, но при этом в их общих интересах.

Слишком категорично звучит и тезис об обязательной императивности нормы *erga omnes*. В силу своего предназначения в деле обеспечения и защиты основных ценностей международного сообщества такие нормы могут допускать отклонение [13, р. 417]. Кроме того, не все нормы *erga omnes* имеют характер норм *jus cogens*: так, например, ряд обязательств по правам человека, закреплённых в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., являются нормами *erga omnes*, составляя неотъемлемую часть общего международного права, но не нормами *jus cogens* [20, р. 54; 16, р. 9]. Наконец, в международном праве не существует препятствий для возникновения диспозитивных норм *erga omnes*¹. Основной проблемой в данном случае, как указывалось ранее, является определение значимости нормы для достижения статуса *erga omnes*. В отсутствие чёткого критерия предлагается рассматривать диспозитивные нормы с точки зрения их признания и закрепления в Уставе ООН, практике органов ООН, других международных договорах (преимущественно универсальных), общем международном праве, в решениях Международного суда ООН [1, р. 153]. Данный подход не следует считать наилучшим способом идентификации нормы *erga omnes*, однако в случае соответствия указанным требованиям вероятность признания за нормой характера *erga omnes* значительно выше. Другим способом определения значимости исследуемых норм является и такой косвенный признак, как реакция государств на их нарушение, хотя при этом отмечается спорность самой идеи, что реакция государств – это условие для статуса *erga omnes*, а не следствие нарушения нормы, уже носящей такой характер. В пользу

¹ Yearbook of International Law Commission. 1998. Vol. II/2 69. Available at: http://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1973_v1.pdf.

данного критерия КМП ссылается на тот факт, что реакция на международные преступления (в форме принудительных мер и передачи жалоб в международные судебные органы) существенно отличается от реакции на обычные нарушения международного права. Поскольку оба способа так или иначе отражают отдельные аспекты норм *erga omnes*, только широкая практика применения сможет подтвердить их обоснованность [1, р. 154–157]. Таким образом, обязательная императивность нормы *erga omnes* не подтверждается ни теорией, ни практикой международного права, в связи с чем корректнее утверждение, что норма *erga omnes* не «должна», а «может быть» императивной.

Ещё одним тезисом, опровергающим идентичность норм *jus cogens* и *erga omnes*, является концепция первичных и вторичных норм, согласно которой нормы *jus cogens* являются материальным правом, а *erga omnes* закрепляют ответственность за их исполнение (например, нормы международного гуманитарного права, установленные Женевскими конвенциями о защите жертв войны 1949 г., – нормы *jus cogens*, а обязательства при любых обстоятельствах соблюдать конвенции и устанавливать ответственность за их нарушение – нормы *erga omnes*) [29, р. 73].

Наконец, сам факт постановки вопроса об идентичности норм *jus cogens* и *erga omnes* и широкая поддержка данного подхода со стороны юристов-международников объясняются непониманием существа концепций этих норм вследствие их недостаточной разработанности в доктрине и документах КМП. Более того, идея полной идентичности, основанная на тезисе, что нормы *jus cogens* и *erga omnes* регламентируют одни и те же вопросы, в силу указанных различий бессмысленна, а потому не получила поддержку в КМП при подготовке финального текста Проекта статей об ответственности государств [13, р. 417].

Идеи частичной идентичности и простого совпадения некоторых норм *jus cogens* и *erga omnes* не следует рассматривать в отдельности, поскольку аргументация их выделения схожа. Единственное различие данных подходов может быть показано на вариантах совмещения двух условных кругов, каждый из которых обозначает самостоятельную совокупность соответственно норм *jus cogens* и *erga omnes*: 1) простое пересечение кругов, означающее, что только некоторые нормы *jus cogens* имеют характер *erga omnes* или наоборот; 2) нахождение одного круга внутри другого, т.е. все нормы *jus cogens* являются нормами *erga omnes* или наоборот. Первый вариант исключается в силу существа и значимости норм *jus cogens* как императивных норм общего международного права для всего международного сообщества государств: как уже отмечалось выше, все нормы *jus cogens* являются нормами *erga omnes*. В свою очередь, из совокупности приведённых выше многочисленных примеров обязательств *erga omnes* значительное число норм не относится к категории *jus cogens*. Это приводит к выводу о том, что нормы *jus cogens* представляют собой частный пример норм *erga omnes*, а соотношение концепций должно выглядеть следующим

образом: круг, обозначающий совокупность норм *erga omnes*, включает в себя круг, олицетворяющий нормы *jus cogens*. Подобная модель нашла поддержку как в доктрине, так и в практике КМП [22, р. 1137; 30, р. 24].

Следует заметить, что данная модель дополняется группой норм, регламентирующих сотрудничество субъектов международного права по борьбе с международными преступлениями. Выделение этой группы норм необходимо для более полного понимания соотношения категорий *jus cogens* и *erga omnes* с позиции наиболее наглядных и очевидных примеров: последствий серьёзных нарушений рассматриваемых норм. Существование связи категории международных преступлений как с обязательствами *erga omnes*, так и с нормами *jus cogens* объективно. Отмечалось, в частности: «даже невооружённым взглядом видно, что “международные преступления государств”, нормы *jus cogens* и обязательств *erga omnes* имеют массу точек соприкосновения, так как проистекают из базовых положений Устава ООН, и призваны противодействовать наиболее грубым нарушениям международного права. Например, право народов на самоопределение является императивным принципом международного права, а его защита является обязательством *erga omnes*. Аналогично обстоит ситуация и с преступлениями геноцида» [31, р. 1176]. Вместе с тем не каждое нарушение норм *jus cogens* может квалифицироваться как международное преступление [23, р. 1155–1156]. Это особенно наглядно проявляется в случае примера с таким принципом международного права, как обязанность государств сотрудничать друг с другом «в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера» (п. 3 ст. 1 Устава ООН). Очевидно, что его нарушение не может рассматриваться как международное преступление и не сопоставимо по своей тяжести с нарушением государствами обязательства п. 4 ст. 2 Устава ООН воздерживаться от угрозы силой или её применения. Сама КМП неоднократно указывала на то, что нарушение императивных норм международного права и международное преступление не являются тождественными категориями – «категория международных обязательств, в отношении которых не допускается никаких отступлений, значительно шире, чем категория обязательств, нарушение которых обязательно является международным преступлением» [32, р. 46].

Связь рассматриваемых категорий нашла отражение в ряде документов. Так, в Римском статуте Международного уголовного суда в качестве синонимичных использованы термины «международные преступления» и «преступления, вызывающие серьёзную озабоченность всего международного сообщества»; отмечено, что «тягчайшие преступления угрожают всеобщему миру, безопасности». Такое указание на «всё международное сообщество» и «всеобщий мир и безопасность» предполагают, что совершение преступления (например, агрессии) будет затрагивать не только государство, в отношении которого было совершено преступление, но и всё сообщество государств, весь международный правопорядок в целом. Прямая связь

трёх категорий также отмечена в контексте преступления геноцида: существуют «определённые международные обязательства государств, являющиеся обязательствами *erga omnes*; нарушение какого-либо из этих обязательств, например осуществление геноцида, составляет международное преступление»¹; нарушения прав человека: «нормы и принципы, касающиеся защиты прав человека, не только имеют характер *erga omnes*, но даже и *jus cogens* ... их нарушения систематически квалифицируются как международные преступления» [31, р. 1177]. Кроме того, сам факт учреждения постоянно действующего Международного уголовного суда с юрисдикцией в отношении данных преступлений является убедительным подтверждением, что нормы международного права, касающиеся геноцида, преступлений против человечности и др., составляют часть норм *jus cogens*, а борьба с ними – обязательства *erga omnes* [24, р. 63, 74].

В 1976 г. КМП в ходе работы над текстом статей об ответственности государств сформулировала в ст. 19 определение международного преступления, которое было внесено в проект: «*Международно-противоправное деяние, возникающее в результате нарушения государством международного обязательства, столь основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества, что его нарушение рассматривается как преступление международным сообществом в целом, составляет международное преступление*». И здесь формулировка «международное сообщество в целом»² увязывает международное преступление с нарушениями обязательств *erga omnes*. В то же время формулировка «обязательства, столь основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества» демонстрирует и параллельную связь международного преступления с нормами *jus cogens*, нарушение и отклонение от которых недопустимо. Несмотря на то что в ходе дальнейшей работы КМП отказалась от термина «международное преступление», новый термин, выбранный КМП, ещё более прочно стал связан с нормами *jus cogens*: «*серьёзные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права*» [13, pp. 417–418; 23, р. 1156], подчёркивая тем самым, что только такие деяния (а не любые нарушения этих обязательств) могут быть квалифицированы как международные преступления [13, р. 424; 1, р. 150, 155].

В связи с изложенным членом Международного суда ООН Г. Гайа был предложен следующий метод сопоставления трёх рассматриваемых категорий (так называемая

¹ Yearbook of International Law Commission. 1973. Vol. 1. Available at: http://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1973_v1.pdf

² В последующих материалах КМП было отмечено, что «слова “в целом” указывают на принятие и признание рассматриваемой нормы в качестве не допускающей отклонений, требуется от государств не в индивидуальном порядке, а в коллективном». Док. ООН: A/CN.4/706, п. 67. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/068/55/PDF/N1706855.pdf?OpenElement>.

«концепция трёх кругов»), согласно которому обязательства *erga omnes* представляют самый широкий условный круг. Внутри него находится более узкий круг – нормы *jus cogens*. Наконец, третий, наиболее узкий круг составляют нормы, регламентирующие сотрудничество государств по борьбе с международными преступлениями [31, р. 1179; 1, р. 150–151]. Таким образом, любое международное преступление будет одновременно являться и нарушением обязательств *erga omnes*, и нарушением норм *jus cogens*. Но первые две категории гораздо шире – не каждое их нарушение будет международным преступлением. При этом необходимо учитывать, что указанное соотношение норм не влияет на их юридическую силу: нормы *jus cogens* иерархически всегда находятся выше остальных норм *erga omnes*, определяют их существо и способ реализации, не допуская малейшего отклонения или противоречия.

Заключение

Как отмечается в доктрине, нормы *jus cogens*, являясь «новой возможностью по-пробовать преодолеть государственный иммунитет», «доминируя над волями суверенных государств», имеют явственную направленность на постепенное формирование наднационального уровня координации и контроля в международных отношениях [33, р. 78]. По сути, именно нормы *jus cogens*, выступая в качестве высшего критерия идентификации правомерности, являются основным и единственным «фильтром для отбора» таких значимых ценностей международного сообщества, защита и обеспечение которых в конечном счёте становится обязательством *erga omnes*. При этом, помимо констатации связи норм *jus cogens* и обязательств *erga omnes*, важно выявление точного характера этой связи. Дело Барселона трэкин, как представляется, содержит некоторые подсказки относительно существенных элементов связи двух рассматриваемых юридических категорий: Суд отмечает, что «обязательства вытекают... из» запрещений, образующих *jus cogens*¹.

В научной литературе признано, что хотя все нормы *jus cogens* имеют последствия *erga omnes*, но не все обязательства *erga omnes* представляют собой нормы *jus cogens*: обязательства *erga omnes* отличаются от *jus cogens* в том, что они могут допускать отступления в некоторых ситуациях, хотя все нормы *jus cogens* являются обязательствами *erga omnes* [34, р. 353]. Однако есть и точка зрения, оспаривающая утверждение, что нормы *jus cogens* имеют действие *erga omnes* [35, р. 384–385].

С. Вийялпандо создаёт хороший образ для описания связи между этими двумя понятиями: «классическим способом образного описания связи между обязательствами *erga omnes* и нормами *jus cogens*... служат два концентрических круга: категория норм, налагающих обязательства *erga omnes*, соответствовала бы кругу

¹ *Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited, Judgment, I.C.J. Reports 1970, para. 34.*

большого радиуса, который содержит все императивные нормы, но не ограничивается только ими» [36, р. 107]. Такое понимание поднимает вопрос о том, существуют ли какие-либо обязательства *erga omnes*, которые не вытекают из норм *jus cogens*. Разумеется, договорные положения, не вытекающие из императивных норм общего международного права, могут создавать обязательства, возлагаемые на всех участников договоров, – так называемые *erga omnes inter partes*. Однако они не являются нормами *erga omnes*, поскольку создают обязательства, возлагаемые не на все государства, а только на государства-участников [37, р. 430].

Таким образом, эти два понятия не тождественны – одно происходит, или вытекает, из другого. А. Пелле обозначает эту суть следующим образом: «основополагающие нормы международного правопорядка, в частности нормы *jus cogens* и обязательства *erga omnes*, – в отсутствие общепризнанного понимания, являются ли они одной концепцией или различными – на мой взгляд, являются двумя отдельными категориями: императивный характер нормы касается скорее сути самого содержания нормы, а *erga omnes* делает больший акцент на адресатах этих обязательств [38, р. 418]. Таким образом, для А. Пелле нормы *jus cogens* и обязательства *erga omnes* являются разными понятиями, но взаимосвязанными и взаимообусловленными. Схожую позицию занимал М. Бассиони, отмечая, что термин *jus cogens* «относится к правовому статусу» тех или иных норм, тогда как термин «*obligatio erga omnes* касается правовых последствий, возникающих из... квалификации *jus cogens*» [24, р. 63].

Характер *erga omnes*, присущий нормам *jus cogens*, не создаёт обязательств для третьих государств – как их создаёт ст. 41 Статей об ответственности государств. Тем не менее характер *erga omnes*, свойственный *jus cogens*, объясняет интерес третьих государств к противоправному деянию, совершённом одним государством против другого. Правовые последствия обязательств для третьих государств установлены практикой и судебными решениями международных судов и трибуналов.

Вышеизложенное может быть резюмировано следующим образом: императивные нормы общего международного права (*jus cogens*) устанавливают обязательства *erga omnes*, нарушение которых касается всех государств.

Список источников

1. Tams C.J. Enforcing obligations *erga omnes* in International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 359 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511494116>
2. Zemanek K. New trends in the enforcement of *erga omnes* obligations // Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2000. № 4. P. 1–52.
3. Christianti D.W. The “modern” concept of *erga omnes* to establish the obligation of impunity eradication: towards the primacy jurisdiction of the International criminal court // *Padjadjaran Jurnal Ilmu Hukum*. 2018. № 5 (2). P. 211–230. DOI: <https://doi.org/10.22304/pjih.v5n2.a1>

4. Schmalenbach K. Treaties conflicting with a peremptory norm of general International law. In: O. Dörr and K. Schmalenbach (eds) // *Vienna Convention on the Law of Treaties*. 2012. Art. 53. P. 897–942. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-642-19291-3>.
5. Christianti D.W. Why we need *erga omnes* character for obligations to combat impunity for International crimes? // *Padjadjaran Jurnal Ilmu Hukum*. 2017. No. 4 (2). P. 362–378. DOI: <https://doi.org/10.22304/pjih.v4n2.a8>
6. Рабцевич О.И. Категория «международное сообщество» и «международное право» // *Современное право*. 2016. № 9. С. 126–135.
7. Талалаев А.Н. *Право международных договоров*. Т. 2: Действие и применение договоров / отв. ред. Л.Н. Шестаков. М.: Зерцало, 2011. 504 с.
8. Strong S.I. General principles of procedural law and procedural *jus cogens* // *Penn State Law Review*. 2018. No. 122 (2). P. 347–409. <https://ssrn.com/abstract=3011947>.
9. Schmalenbach K. International agreements not within the scope of the present Convention // *Vienna Convention on the Law of Treaties*. 2012. Art. 3. P. 49–79. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-642-19291-3>.
10. Лукашук И.И. *Современное право международных договоров*: в 2 т. Т. 1: Заключение международных договоров. М.: ВолтерсКлувер, 2004. 672 с.
11. Salerno F. Treaties establishing objective regimes // *The law of treaties beyond the Vienna convention* / ed. by E. Cannizzaro. [S. l.], 2011. P. 226–244. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199588916.003.0014>.
12. Verhoeven S., Wouters, J. The prohibition of genocide as a norm of *ius cogens* and its implications for the enforcement of the law of genocide. [S. l.]: Institute for International Law Publ., 2005. P. 11–16.
13. Picone P. The distinction between *jus cogens* and obligations *erga omnes* // *The law of treaties beyond the Vienna convention* / ed. by E. Cannizzaro. [S. l.], 2011. P. 411–424. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199588916.003.0024>.
14. Gaja G. *Jus cogens* beyond the Vienna convention // *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*. 1981. No. 172. P. 271–316.
15. Hojatzadeh A.R., Sartipi H. The innovation in concept of the *erga-omnes*isation of International law // *International Journal of Humanities & Social Science Studies*. 2015. No. 2 (2). P. 189–228. URL: <https://oaji.net/articles/2015/1115-1443861890.pdf>.
16. De Wet E. Invoking obligations *erga omnes* in the twenty-first century: progressive developments since Barcelona Traction // *South African Yearbook of International Law*. 2013. No. 38. P. 1–19. URL: <https://ssrn.com/abstract=2629560>.
17. Gülgeç Y.B. The problem of *jus cogens* from a theoretical perspective // *Ankara Üni. Hukuk Fak. Dergisi*. 2017. No. 66 (1). P. 73–115. DOI: https://doi.org/10.1501/Huk-fak_0000001888
18. Ключня А.Ю. Соотношение императивных норм международного права и обязательств *erga omnes* // *Евразийский юридический журнал*. 2015. № 3. С. 54–58.

19. Леонов А.С., Споршев А.М. Противодействие международному терроризму как обязательство *erga omnes* // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Право. 2018. № 2. С. 151–161.
20. Mik C. *Jus cogens in contemporary International law* // Polish Yearbook of International Law. [S. l.], 2013. P. 27–93. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.2473061>
21. Ragazzi M. *The concept of international obligations erga omnes*. Oxford: Clarendon Press Publ., 1997. 264 p.
22. Sicilianos L.-A. *The classification of obligations and the multilateral dimension of the relations of international responsibility* // European Journal of International Law. 2008. No. 13. P. 1127–1145. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/13.5.1127>
23. Wyler E. *From “state crime” to responsibility for “serious breaches of obligations under peremptory norms of general international law”* // European Journal of International Law. 2002. No. 13(5). P. 1147–1160. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/13.5.1147>
24. Bassiouni M.C. *International crimes: jus cogens and obligatio erga omnes* // Law and Contemporary Problems. 1996. No. 59 (4). P. 63–74. DOI: <https://doi.org/10.2307/1192190>
25. Dupuy P.-M. *Back to the future of a multilateral dimension of the law of state responsibility for breaches of “obligations owed to the international community as a whole”* // European Journal of International Law. 2012. No. 23. P. 1059–1069. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chs078>
26. Biermann F. *“Common concern of humankind”: the emergence of a new concept in international environmental law* // Archiv des Völkerrechts. 1996. No. 34 (4). P. 426–481.
27. Frowein J.A. *Reactions by not directly affected states to breaches of Public international law* // Recueil des Cours. 1994. Vol. 248 (IV). P. 345–438.
28. Черниченко С.В. Взаимосвязь императивных норм международного права (*jus cogens*) и обязательств *erga omnes* // Московский журнал международного права. 2012. № 3. С. 3–17.
29. Muhammadin F.M. *Humanitarian intervention and the jus cogens argument: a critical observation* // Padjadjaran Journal of Law. 2018. No. 5 (1). P. 70–88. DOI: <https://doi.org/10.22304/pjih.v5n1.a4>
30. Tomuschat C. *The security council and jus cogens* // The present and future of jus cogens / ed. by E. Cannizzaro. Roma: Sapienza Università Editrice, 2015. P. 7–97.
31. Сазонова К.Л. К вопросу о соотношении международных преступлений государства, норм *jus cogens* и обязательств *erga omnes* // Право и политика. 2013. № 9. С. 1175–1181.
32. Скуратова А.Ю. *Международные преступления: современные проблемы квалификации*. М.: Норма, 2012. 60 с.

33. Сазонова К.Л. Обязательства erga omnes и нормы jus cogens в международном праве: концептуальное оформление и правоприменительная практика // Государство и право. 2014. № 11. С. 72–79.
34. Martin F. Delineating a hierarchical outline of international law sources and norms // Saskatchewan Law Review. 2002. No. 65. P. 333–368.
35. Criddle E.J., Fox-Decent E. A fiduciary duty of jus cogens // Yale Journal of International Law. 2009. No. 34. P. 331–388.
36. Villalpando S. L'émergence de la communauté internationale dans de la responsabilité des États. Paris: Graduate Institute Publications, 2005. 466 p. DOI: 10.4000/books.iheid.1154
37. Tomuschat C., Thouvenin J.-M. The fundamental rules of the international legal order. Leiden; Boston: Martin Nijhoff. 2006. 471 p.
38. Pellet A. Conclusions // The fundamental rules of the international legal order / ed. by Ch. Tomuschat, J.-M. Thouvenin. [S. l.], 2006. P. 417–424.

References

1. Tams C.J. Enforcing obligations erga omnes in International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 359 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511494116>
2. Zemanek K. New trends in the enforcement of erga omnes obligations. *Max Planck Yearbook of United Nations Law*, 2000, no. 4, pp. 1–52.
3. Christianti D.W. The “modern” concept of erga omnes to establish the obligation of impunity eradication: towards the primacy jurisdiction of the International criminal court. *Padjadjaran Jurnal Ilmu Hukum*, 2018, no. 5 (2), pp. 211–230. DOI: <https://doi.org/10.22304/pjih.v5n2.a1>
4. Schmalenbach K. Treaties conflicting with a peremptory norm of general International law. In: O. Dörr and K. Schmalenbach (eds.). *Vienna Convention on the Law of Treaties*, 2012, article 53, pp. 897–942. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-642-19291-3>
5. Christianti D.W. Why we need erga omnes character for obligations to combat impunity for International crimes? *Padjadjaran Jurnal Ilmu Hukum*, 2017, no. 4(2), pp. 362–378. DOI: <https://doi.org/10.22304/pjih.v4n2.a8>
6. Rabcevic O.I. Kategoriya «mezhdunarodnoe soobshchestvo» i «mezhdunarodnoe pravo» [Concepts of “international community” and “international law”]. *Sovremennoe pravo*, 2016, no. 9, pp. 126–135.
7. Talalaev A.N. Pravo mezhdunarodnyh dogovorov. T. 2.: Deystvie i primeneniye dogovorov. Dogovory s uchastiem mezhdunarodnyh organizacij. In: L.N. Shestakov (ed.). [Law of treaties. Book 2: Operation and application of treaties. Treaties involving International organizations]. Moscow: Zercalo Publ., 2011. 504 p.

8. Strong S.I. General principles of procedural law and procedural jus cogens. *Penn State Law Review*, 2018, no. 122 (2), pp. 347–409. URL: <https://ssrn.com/abstract=3011947>.
9. Schmalenbach K. International agreements not within the scope of the present Convention. In: O. Dörr, K. Schmalenbach (eds). *Vienna Convention on the Law of Treaties*, 2012, article 3, pp. 49–79. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-642-19291-3>
10. Lukashuk I.I. *Sovremennoe pravo mezhdunarodnyh dogovorov* [Modern law of treaties]. Moscow: WoltersKluwer Publ., 2004. 672 p.
11. Salerno F. Treaties establishing objective regimes. In: E. Cannizzaro (ed.). *The law of treaties beyond the Vienna convention*. [S. l.], 2011. P. 226–244. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199588916.003.0014>
12. Verhoeven S., Wouters, J. The prohibition of genocide as a norm of ius cogens and its implications for the enforcement of the law of genocide. [S. l.]: Institute for International Law Publ., 2005. P. 11–16. DOI: <https://doi.org/10.1163/1571812054940049>
13. Picone P. The distinction between jus cogens and obligations erga omnes. In: E. Cannizzaro (ed.). *The law of treaties beyond the Vienna convention*. [S. l.], 2011. P. 411–424. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199588916.003.0024>.
14. Gaja G. Jus cogens beyond the Vienna convention. *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, 1981, no. 172, pp. 271–316.
15. Hojatzadeh A.R., Sartipi H. The innovation in concept of the erga-omnesisation of International law. *International Journal of Humanities & Social Science Studies*, 2015, no. 2 (2), p. 189–228. <https://oaji.net/articles/2015/1115-1443861890.pdf>
16. De Wet E. Invoking obligations erga omnes in the twenty-first century: progressive developments since Barcelona Traction. *South African Yearbook of International Law*, 2013, no. 38, pp. 1–19. URL: <https://ssrn.com/abstract=2629560>.
17. Gülgeç Y.B. The problem of jus cogens from a theoretical perspective. *Ankara Üni. Hukuk Fak. Dergisi*, 2017, no. 66 (1), pp. 73–115. DOI: https://doi.org/10.1501/Huk-fak_0000001888
18. Klyunya A. Yu. Sootnoshenie imperativnyh norm mezhdunarodnogo prava i obyazatel'stv erga omnes [Correspondence of peremptory rules of international law and obligations erga omnes]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*, 2015, no. 3, pp. 54–58.
19. Leonov A.S., Sporshev A.M. Protivodejstvie mezhdunarodnomu terrorizmu kak obyazatel'stvo erga omnes [Counterterrorism as obligation erga omnes]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Pravo*, 2018, no. 2, pp. 151–161. http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/19931778_2018_-_2_unicode/18.pdf.
20. Mik C. Jus cogens in contemporary International law. *Polish Yearbook of International Law*, 2013, pp. 27–93. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.2473061>
21. Ragazzi M. *The concept of international obligations erga omnes*. Oxford: Clarendon Press Publ., 1997. 264 p.

22. Sicilianos L.-A. The classification of obligations and the multilateral dimension of the relations of international responsibility. *European Journal of International Law*, 2008, no. 13, pp. 1127–1145. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/13.5.1127>
23. Wyler E. From “state crime” to responsibility for “serious breaches of obligations under peremptory norms of general international law”. *European Journal of International Law*, 2002, no. 13 (5), pp. 1147–1160. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/13.5.1147>
24. Bassiouni M.C. International crimes: jus cogens and obligatio erga omnes. *Law and Contemporary Problems*, 1996, no. 59 (4), pp. 63–74. DOI: <https://doi.org/10.2307/1192190>
25. Dupuy P.-M. Back to the future of a multilateral dimension of the law of state responsibility for breaches of “obligations owed to the international community as a whole”. *European Journal of International Law*, 2012, no. 23, pp. 1059–1069. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chs078>
26. Biermann F. “Common concern of humankind”: the emergence of a new concept in international environmental law. *Archiv des Völkerrechts*, 1996, no. 34 (4), pp. 426–481.
27. Frowein J.A. Reactions by not directly affected states to breaches of Public international law. *Recueil des Cours*, 1994, vol. 248 (IV), pp. 345–438.
28. Chernichenko S.V. Vzaimosvyaz' imperativnyh norm mezhdunarodnogo prava (jus cogens) i obyazatel'stv erga omnes [Interconnection of peremptory norms of international law (jus cogens) and obligations erga omnes]. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 2012, no. 3, pp. 3–17. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2012-3-3-17>
29. Muhammadin F.M. Humanitarian intervention and the jus cogens argument: a critical observation. *Padjadjaran Journal of Law*, 2018, no. 5 (1), pp. 70–88. DOI: <https://doi.org/10.22304/pjih.v5n1.a4>
30. Tomuschat C. The security council and jus cogens. In: E. Cannizzaro (ed.). *The present and future of jus cogens*. Roma: Sapienza Università Editrice, 2015. P. 7–97.
31. Sazonova K.L. K voprosu o sootnoshenii mezhdunarodnyh prestuplenij gosudarstva, norm jus cogens i obyazatel'stv erga omnes [Revisiting the problem of interconnection of international crimes of jus cogens and obligations erga omnes]. *Pravo i politika*, 2013, no. 9, pp. 1175–1181.
32. Skuratova A. Yu. Mezhdunarodnye prestupleniya: sovremennye problemy kvalifikatsii [International crimes: modern issues of qualification]. Moscow: Norma Publ., 2012. 60 p.
33. Sazonova K.L. Obyazatel'stva erga omnes i normy jus cogens v mezhdunarodnom prave: konceptual'noe oformlenie i pravoprimeritel'naya praktika [Obligations erga omnes and jus cogens rules in international law: conceptual formalization and practice]. *Gosudarstvo i pravo*, 2014, no. 11, pp. 72–79. ISSN: 0132-0769.
34. Martin F. Delineating a hierarchical outline of international law sources and norms. *Saskatchewan Law Review*, 2002, no. 65, pp. 333–368.

35. Criddle E.J., Fox-Decent E. A fiduciary duty of jus cogens. *Yale Journal of International Law*, 2009, no. 34, pp. 331–388.

36. Villalpando S. L'émergence de la communauté internationale dans de la responsabilité des États. Paris: Graduate Institute Publ., 2005. 466 p. DOI: <https://doi.org/10.4000/books.iheid.1154>

37. Tomuschat C., Thouvenin J.-M. The fundamental rules of the international legal order. Leiden; Boston: Martin Nijhoff, 2006. 471 p. DOI: <https://doi.org/10.1163/ej.9789004149816.i-472>

38. Pellet A. Conclusions. In: Ch. Tomuschat, J.-M. Thouvenin (eds.). The fundamental rules of the international legal order. [S. l.], 2006. P. 417–424. DOI: <https://doi.org/10.1163/ej.9789004149816.i-472.100>

Информация об авторах / Information about the authors

Л.В. Вереина – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, МГИМО МИД России (Москва, Российская Федерация),

✉ vereinalarisa@mail.ru; SPIN: 6609-1351, <https://orcid.org/0000-0002-4490-9916>

L.V. Vereina – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Law, MGIMO MFA of Russia (Moscow, Russian Federation).

И.И. Синякин – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, МГИМО МИД России (Москва, Российская Федерация),

✉ interlawmgimo@mail.ru; SPIN: 4599-0747, <https://orcid.org/0000-0002-8899-4219>

I.I. Sinyakin – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Law, MGIMO MFA of Russia (Moscow, Russian Federation).

А.Ю. Скуратова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, МГИМО МИД России (Москва, Российская Федерация),

✉ a.skuratova@inno.mgimo.ru; SPIN: 7825-9117,

<https://orcid.org/0000-0001-8513-8719>

A.Yu. Skuratova – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Law, MGIMO MFA of Russia (Moscow, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 12.10.2024;

одобрена после рецензирования / revised 06.02.2025;

принята к публикации / accepted 25.02.2025.